

Маме, папе, моему брату Саймону
и сестре Мелиссе — лучшей семье в мире

БЛАГОДАРНОСТИ

Когда я проводил исследования для создания собственного апокалиптического культа, эти книги дали мне не только энциклопедические знания, но и вдохновение: «В поисках тысячелетнего царства» Нормана Кона; «Ворон: нерассказанная история преподобного Джима Джонса и его народа» Тима Рейтермана и Джона Джейкобса; «Чарльз Мэнсон: быстрое падение» Саймона Уэллса; «Под знаменем небес» Джона Кракауэра и «Коба Грозный» Мартина Эмиса. Особой благодарности заслуживают «Любовь, Секс, Страх, Смерть: история Церкви Процесса — взгляд изнутри», написанная Тимоти Уилли (под редакцией Адама Парффри) и «Helter Skelter: Правда о Чарли Мэнсоне» Винсента Буглиози и Курта Джентри, шедевр литературы о преступниках. Именно эти две великолепные работы зажгли во мне первую искру.

Адам Нэвилл. СУДНЫЕ ДНИ

В изучении основ партизанских съемок¹ мне сильно помогли «Настольная книга партизанского кинематографа» Криса Джонса, Эндрю Зайннеса и Женевьев Джоллифф, «Цифровой кинематограф» Майка Фиггиса и великолепный сайт *Guide Book for Guerrilla Filmmakers*, www.jamesarnett.com, созданный Джеймсом Арнеттом.

Сайт www.desertmuseumdigitallibrary.org очень помог при описании пустыни Сонора в штате Аризона.

И я снимаю шляпу перед фильмами ужасов, которые принесли популярность идее псевдодокументальных съемок: «Репортажем», «Ведьмой из Блэр: Курсовой с того света» и «Паранормальным явлением».

Огромное спасибо моему агенту Джону Джерроду и редактору Джулии Крисп за консультации и стилистические правки, а еще — моим читателям: Энн Пэрри, Клайву Нэвиллу, Джеймсу Мариотту и Хью Симмонсу. А еще сотрудницам издательства Pan Macmillan — Хлое Хили из пиар-отдела и редактору Кэтрин Ричардс.

Особого места в моем храме благодарности заслуживают писатели, рецензенты и блоггеры, которые нашли добрые слова для такого создателя литературных теней, как я: Эрик Браун из «Гардиан», Элисон Флад из «Сандей таймс», Дэвид Муд,

¹ Форма независимого кинематографа, характеризующаяся низким бюджетом, компактной съемочной группой и простым набором съемочной аппаратуры с использованием подручных средств. Часто сцены снимаются быстро, в реальных локациях, без предупреждений и без получения разрешения собственников локаций (*прим. пер.*).

Джонатан Мэйберри, Джозеф ДЛейси, Марк Чаран Ньютон, Тим Леббон, Стивен Фолк, Марк Моррис, Брайан Шауэрс, Питер Теннант, Black Static, SFX, Тэджи Джеймисон из «Сандей геральд», «Новости мира», Graeme's Fantasy Review, Джаред из Pornokitsch, Fantasy Book Review, Spooky Reads, LEC Book Reviews, Black Abyss, Speculative Scotsman, Ginger Nuts of Horror, Read Horror, Iwillread, Hagelrat и Kamvision, и не только.

И наконец, читатели, которые дали мне шанс или оставались со мной,— салют!

Иногда я замечала, как она переползает
открытое пространство — быстро, словно
тень от облаков при сильном ветре.

Шарлотта Перкинс Гилман.

Желтые обои

ПРОЛОГ

*Денвер.
3 марта 2011 года*

Женщина слышала, как старые друзья ходят в дальних и не очень дальних комнатах ее дома. Старые друзья, которых она пыталась забыть дольше, чем помнила себя. Пока однажды не поняла: она всю жизнь потратила на ожидание того, что они появятся, что начнут дело, которое им так хочется закончить. Потому что старые друзья ничего не забывают. Они прибыли без приглашения и явились без предупреждения. Они приходят после заката и никогда ее не отпустят.

За последнее время старые друзья стали сильнее и храбрее. Наловчились проникать внутрь. И уходить. Судя по их движениям, сегодняшний визит был последним. Воссоединение завершится.

Закрыв глаза, женщина вздохнула и рукой оперлась о дверь. Посмотрела вверх, почувствовала, как напряглось все тело, готовясь сделать шаг внутрь. И еще один. И еще.

Адам Нэвилл. СУДНЫЕ ДНИ

Стоя на лестнице неосвященного дома, все еще в пальто и туфлях, она смотрела вверх, в темноту, скрывающую верхнюю площадку. Прислушивалась — с сосредоточенностью, на которую способен лишь очень испуганный человек. А еще с решимостью того, кто уже слишком устал.

Единственным светом был слабенький отблеск ближайшего фонаря, а он никогда не проникал дальше открытой входной двери. Где-то проехала машина, и женщине очень захотелось оказаться в ней. Она повернула голову и посмотрела на пустынную улицу. Ее вдруг охватило неудержимое желание ринуться туда, где светло, где люди разговаривают и улыбаются или хотя бы молчат. Ей так захотелось быть с людьми, жить обычной жизнью, что стало больно. Она вся сжалась, только бы снова не сбежать. Сделала шаг к открытой двери. Но не другой. Замерла. Не дрогнула.

Потому что она была проклята, как призрак в доме перед сносом. Призрак, которому больше негде скитаться, ему осталось лишь пустое пространство, лишённое людей. Тень, наблюдающая за всем откуда-то из иного места, наполовину в этом мире, наполовину в другом, прислушивающаяся к ясным чистым голосам, но никогда не подающая своего. Она боролась упорнее остальных. Она осталась, когда другие ушли.

Внезапно нахлынуло сожаление — и вместе с ним его верный спутник, безнадежность. Она достаточно долго жила с последствиями того, что натворила до того, как у нее появились мозги и опыт. Ей уже стало скучно. Неважно, сколько раз она возвращалась в прошлое, вспоминала детали и строи-

ла предположения, — все оставалось неизменным, и она оказывалась в той же точке, где стояла сейчас в одиночестве. Она прикинула, что почти готова *на этот раз*. Сглотнула, вытащила из сумочки холодный, тяжелый револьвер тридцать восьмого калибра. Подумать только, когда-то она считала, что ей повезло.

За последние пять месяцев это был уже третий дом. Каждый она снимала под чужим именем, и каждый раз теряла залог из-за тех знаков, которые старые друзья оставляли на стенах. Три дня назад она спустилась из спальни в холодный коридор, когда в доме вдруг отключился свет. Из подвала в холл просочились запахи тухлой воды и пепла, залитого шедшим всю ночь дождем. Провода в блоке предохранителей были будто обкусаны, а стена за ними заляпана непонятным подсохшим веществом. Она закрасила пятна черной краской — закрыв глаза и рыдая, била кистью по стене.

Они начали слишком часто оставлять что-то за собой. Показывали, что возобновление знакомства неминуемо. Вчера, не успев написать длинное письмо сыну в Торонто — она писала так, как будто это было последнее послание в ее жизни, — она обнаружила на кухонном полу маленький почерневший башмачок. Совсем крохотный, как будто детский. Твердый, как дерево, сшитый, как мокасины, из оленьей кожи, и старый. Такой старый.

Упавший с ноги, о которой она надеялась больше никогда не думать. Когда женщина прихватила башмачок листовкой пиццерии, чтобы выбросить, с него сорвался ком сажи.

А вот и мы, девочка.

Бум-бум-бум-бум. Прямо сейчас, минимум в одной из комнат наверху. Может быть, в ее спальне. Женщина вспомнила вечеринку над номером в мотеле, который она однажды сняла в Лос-Анджелесе, очень давно, когда только начала свое бегство. Тяжелый топот за тонким потолком, внезапные крики и взрывы смеха, которые напоминали, как она далека от жизни, одновременно не давая заснуть. Но здесь, в этом доме, ее последнем пристанище, не проходило вечеринок, на которые ей хотелось бы сходить.

Они точно были в ее комнате. Шаги, приглушенные постельным бельем, перешли в треск, как будто кто-то тряс кровать. Из тумбочки выкинули все содержимое.

Женщина отлепила пересохший язык от нёба, сглотнула. Ударила кулаком по стене, чтобы голова перестала кружиться. А потом повернулась и закрыла входную дверь. Заперлась внутри. С ними.

Еще один незванный гость пытался подняться с кухонного пола. Она слышала его за закрытой дверью в конце коридора. Тот же звук мучил ее в последних двух съемных квартирах, из-за него она сбежала оттуда прямо посреди ночи. От этого шума она всегда вспоминала детеныша антилопы, виденного один раз по телевизору, — искусанный крокодилом, тот все еще пытался вырваться из воды.

Думая, придут ли за ней на четырех ногах или на двух, она подняла пистолет и подошла к лестнице. Правую руку поддерживала левой, как учили на стрелковом полигоне, — только дуло было направлено вверх. Готова.

Женщина попыталась успокоиться. Позволила себе вспомнить сына — в ту ночь, когда несла его через холодную пустыню, прижав к груди. Это было очень давно, но она помнила его сопение, его тепло, маленькую ручку, вцепившуюся в ее черные волосы, как будто это было вчера. Тогда они спадали до пояса и покрывали ребенка, как водопад. Мальчик всегда знал, кто его мать. Они делали все, чтобы он забыл, но сын знал. И она его вытаскила.

Она улыбнулась сквозь слезы. Вдохнула.

— Выходи, сволочь,— заорала она на то, что медленно, подергиваясь, выползло на верхнюю площадку.

Мрак окутывал ступени; старые друзья принесли его с собой из темного места, где-то между «здесь» и «не здесь».

И под защитным пологом тьмы существо послушалось ее призыва и пошло к ней на четырех ногах, задрал лицо вверх.

Не успело оно преодолеть короткую дистанцию между ними, как женщина сунула холодное дуло пистолета себе в рот. Когда ей показалось, что то уперлось в заднюю стенку черепа, она спустила курок.

ПРОЦЕСС

Эпическая история нечеловеческой
дикости.

Ирвин Левин. Судные дни